

ВЛИЯНИЕ ЗАПАДНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ НА ПРОЦЕСС ФОРМИРОВАНИЯ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ В РОССИИ В ПОСТСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

В.В. Рябов, Г.Е. Козловская

Аннотация. *В постсоветский период своего политического развития Россия столкнулась с острым дефицитом собственных теоретических разработок партийного строительства и была вынуждена обратиться к опыту западных технологий. Не всегда эти обращения были конструктивными. Часто зарубежные теории были лишь красивыми моделями, не имеющими ничего общего с российской политической действительностью. Не все эти западные заимствования оказались полезными для политической опыта России. Несмотря на то, что интерес ко многим теориям уже угас, их след в современном развитии отечественной политической науки можно отыскать и поныне. Многие концепты видоизменялись или отвергались уже по ходу развития самой политической ситуации. Историкографический анализ данного вопроса указывает на определенный селекционный отбор теоретических источников, которые были наиболее востребованы тогдашней политической реальностью. Целью настоящей статьи является выяснение меры влияния этих западных политических теорий на процесс формирования в России политических партий в последнее десятилетие XX столетия.*

Ключевые слова: *политическая партия, политик, политические технологии, власть, идеология, демократия, свобода, манипуляция, мировоззрения, массы, элиты, лидеры, парламентаризм, традиции.*

267

INFLUENCE OF WESTERN POLITICAL THEORIES ON THE PROCESS OF FORMING A PARTY SYSTEM IN RUSSIA IN THE POST-SOVIET PERIOD

V.V. Ryabov, G.E. Kozlovskaya

Abstract. *In the post-Soviet period of its political development, Russia faced an acute shortage of its own theoretical developments of party building and*

© Рябов В.В., Козловская Г.Е., 2020

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International License
The content is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

was forced to turn to the experience of Western technologies. These appeals were not always constructive. Often, foreign theories were only beautiful models that had nothing to do with Russian political reality. Not all of these Western borrowings have been useful for the political experience of Russia. Despite the fact that interest in many theories has already faded, their trace in the modern development of domestic political science can still be found today. Many concepts have been modified or rejected already in the course of the development of the political situation itself. The historiographic analysis of this issue indicates a certain selection of theoretical sources that were most in demand by the then political reality. The purpose of this article is to clarify the impact of these Western political theories on the formation of political parties in Russia in the last decade of the twentieth century.

Keywords: *political party, politician, political technologies, power, ideology, democracy, freedom, manipulation, worldviews, masses, elites, leaders, parliamentarism, traditions.*

Развал СССР и запрет деятельности КПСС в 1991 г. ознаменовали собой завершение однопартийного периода в политической истории российского государства, и появление возможности для создания многопартийной системы [1]. Востребованным оказался западный опыт строительства либеральных партий на демократических основах. И в 1990-е гг. на постсоветское пространство вошла мода на западные политические теории, стали массово переводиться труды зарубежных исследователей, которые ранее подпадали под идеологический запрет как «враждебные буржуазные авторы». Научный рынок был просто наводнен как классическими научными работами, так и третью сортированными околонучными опусами.

Необходимо отметить, что на процесс генезиса партийной системы в России оказывало влияние не какая-то конкретная западная политическая теория, а целая сумма теорий, которые с разных сторон и с разной

мерой интеграции влияли на данный процесс. В качестве наиболее известных авторов следует назвать таких западных аналитиков, как В. Парето, Р. Михельс, Р. Арон, Р. Даль, К. Поппер, К. Мангейм, М. Дюверже, П. Шаран, Р. Дарендорф, Ф. Фукуяма, Э. Бжезинский, С. Хантингтон и др. Именно они в 1990-е гг. завладели умами российских политиков и политологов. Обращение к их трудам стали столь же обязательными, как в свое время были обязательными ссылки на труды классиков марксизма-ленинизма.

В настоящей статье рассматривается уровень влияния западной политической науки на процесс развития политологической мысли в России последнего десятилетия XX века. Нашим объектом является глубина проникновения западных теорий в российскую общественную действительность в постсоветский период, а в качестве предмета выступает мера их влияния на формирование новых трендов партийного строительства.

Для рассмотрения данной позиции был применен историографический анализ с использованием *методов* диалектики, герменевтики и компаративистики. В качестве *рабочей гипотезы* мы использовали тезис о том, что не все указанные в этой статье теории в равной мере воздействовали на российскую политическую действительности и нашли поддержку и дальнейшее развития в отечественной историко-политической науке.

Как показывает анализ новейшей политической истории, не все создаваемые в 1990-е гг. в России политические партии соответствовали западным научным критериям. Чаще всего это соответствие носило формальный и весьма условный характер. Практика вносила свои коррективы, обусловленные объективными (непредсказуемыми) законами рыночной экономики «дикого русского капитализма». Сам автор в своих работах тех лет неоднократно отмечал, что строительство новых политических партий в России в 1990-е гг. принимал подчас драматический характер [2–4]. И было это связано во многом с тем, что пришедшим к власти новым политическим элитам было крайне сложно ориентироваться в быстро меняющемся политическом пространстве [5; 6].

Надо сказать, что полученная в это время свобода от идеологической цензуры, порой, оборачивалась вседозволенностью и безответственностью. Переводов было очень много и не всегда они носили объективный (академический) характер. Многие этим злоупотребляли в своих интересах. Заимствование было порой сродни плагиату. Переводы на русский

язык подчас выдавались как оригинальные тексты самих переводчиков. Перевод же позволял более широкой научной публики прикоснуться к иностранному первоисточнику. Именно благодаря переводам российский читатель познакомился с альтернативными версиями многих терминов, которые в советское время трактовались в жесткой привязке к канонам марксизма-ленинизма. В 1990-е годы классики этого учения были вообще забыты и списаны, как устаревшая идеологизированная теория. В моду вошли западные научные стандарты и подходы.

Важно помнить, что эти работы создавали общий климат, в котором формировались и развивались новые российские партии. Мы не берем в качестве примера какое-либо политическое движение или конкретную политическую партию. Такой скрупулезный анализ занял бы у нас слишком много времени. Мы лишь выделяем общие характерные для многих партийных организаций тренды, прекрасно понимая, что в зависимости от их политической ориентации (левые, правые или центристские) зависела и мера восприятия этих западных учений. Общим для них всех было то, что они во многом отошли от понимания самих понятий «партия» и «партийная система», господствовавших во времена развитого социализма. Из публикаций практически исчезли упоминания о партийной дисциплине и партийном централизме.

В этом контексте представляет интерес трактовка понятий «партия» и «партийная система», которые были заимствованы рядом российских политических движений, на

примере теории известного французского политолога Раймона Арона (1905–1983). Он своей работе «Демократия и тоталитаризм» указывал на то, что политическая партия представляет собой добровольное объединение заинтересованных в содружестве лиц, создающих специальную организацию с общей целью и общими интересами, способную эффективно решать задачи управления политическими процессами. *«Партия — это объединение людей, стремящихся выполнять функции управления; как следствие, она должна делать все необходимое, чтобы добиться этого, следовательно, ей необходимо располагать большинством и депутатов, и министров. Партия — объединение добровольное, поскольку в конституционных режимах никто не обязан принадлежать к какой-либо партии (выделено нами — В.Р., Г.К.)»* [7, с. 96].

Однако позиция отношения государства и общества, отличная от марксистско-ленинской идеологии, была присуща не только западным теоретикам. Для справедливости отметим, что ее высказал, еще в самом начале XX века, забытый впоследствии российский ученый М.Я. Острогорский (1854–1921) в своей работе «Демократия и политические партии» (1902 г.). Он писал, что политическая «партия по своей природе является свободным объединением граждан, которое, как и всякое другое объединение, не поддается внешнему воздействию, поскольку оно противоречит общему закону. Государство, уважающее основные права граждан, игнорирует партии как таковые. Оно не имеет права спрашивать у членов какой-либо группиров-

ки, каковы их политические идеи и каково их политическое прошлое. Государство не имеет права ни штемпелевать политических убеждений, ни устанавливать условий, при которых этот штемпель может быть наложен. Ни в одной свободной стране не было попыток подобному вмешательству. Только в России недавно решили установить “легальные политические партии”» [8, с. 276].

Отечественная политическая мысль имела достаточный опыт теоретического переосмысления политической действительности, благополучно забытый за годы Советской власти. Но вместо того чтобы вернуться к этим истокам демократической традиции, либеральные веяния «лихих девяностых» занялись слепым копированием западной политологической догматики. Ситуация обострялась еще и тем, что в России в то время не было необходимого числа специалистов, которые бы разбирались в этих процессах. Политическая наука только зарождалась и политологами становились вчерашние технари и гуманитарии всех профилей. Давил на ситуацию и существовавший кадровый дефицит как внутри самих создаваемых партий, так и в руководстве страны в целом [5].

О необходимости формирования нового стиля, методов, формы и содержания работы партийной системы, к сожалению, начали осознавать только к концу 1980-х годов, когда возможность трансформации КПСС уже была упущена. Исходная позиция по партийному строительству и функционированию коммунистической партийной номенклатуры нашла отражение в одной из работ автора статьи [9].

Широкую известность получила концепция «закона железной олигархии», ранее запрещенного по идеологическим причинам (из-за его принадлежности к теории элит) *Роберта Михельса* (1876–1936) [10]. Его идеи по социологии политических партий в условиях демократии стали востребованными именно во время нового партийного строительства в России. Р. Михельс, наряду с М.Я. Острогорским, считается одним из основоположников теории политических партий.

Столь же широкую известность в 1990-е гг. получили и работы известного французского политолога *Мориса Дюверже* (1917–2014), который еще в середине XX в. сформулировал основные положения своей теории о политических партиях [11; 12]. Это был как тот самый случай, когда западные теории нашли в России адекватный научный отклик. Предложенная Дюверже классификация партий и партийных систем вошла во все российские учебники по политологии.

Неизменным интересом пользовались труды западных аналитиков по теме развития теории демократии и демократических институтов [7; 13; 14]. В частности, тогда была поднята тема возможности адекватного переосмысления демократических теорий в условиях меняющихся самих демократических институтов и практик. Наибольший интерес вызвала проблема новой («третьей демократической трансформации»), контуры которой уже тогда намечались в условиях глобализации [13; 15]. Согласно мнению запрещенного в Советском Союзе итальянского социолога *Вильфредо Парето* (1848–

1923), успешное развитие демократии возможно лишь при своевременном обновлении элит (концепция «циркуляции элит»), как публичный процесс абсорбирования и включение наиболее мобильных представителей масс или контрэлит в правящую элиту. В противном случае вся политическая система впадает в застой, который создает условия для революции (насильственной смены старой элиты новой) [14, с. 19-20].

Весьма полезной для развития отечественной политической науки оказались работы *Карла Маннгейма* (1893–1947) «Идеология и утопия» (1929 г.) и «Диагноз нашего времени» (1943 г.) [16]. Через них российский читатель познакомился с иным взглядом на природу политической идеологии, раскрыл для себя новое содержание понятий «утопия» и «демократия». Время, когда всякая политическая идеология была под запретом, а сами научные работы по этой теме считались малоперспективными, интерес представляли темы по демократическому транзиту и геополитике.

Особенностью российской ментальности большинства населения является право только самим хулить свое общество и общественное устройство. Поэтому влияние некоторых западных политических теорий была кратковременным. Особенно это касается тех авторов, которые были замечены в явном враждебном отношении к России и бывшему Советскому Союзу. Знаменитый опус *Карла Поппера* (1902–1984) «Открытое общество и его враги» стал настольной книгой для либералов, думающих, что они строят в России «открытое общество» [17]. Данная спорная ра-

бота вызвала большой интерес и произвела много шума в либеральных кругах российского политического и научного сообществ. На какое-то время «чары Поппера» овладели умами российских интеллектуалов, которое было поколеблено недостаточным его знанием работ Платона, Гегеля и Маркса — основных (по его версии) «врагов» открытого общества. Но, многие либерально настроенные политики продолжают держать позиции К. Поппера.

Для усиления либеральной идеологии в это же самое время весьма успешно и тоже широко использовалась работа Ф. Фукуямы «Конец истории» [18], в которой также насаждалась идея фатальной неизбежности монополярного мира во главе с США. Для понимания роли партийных элит привлекалась ставшая тоже популярная в это время на Западе концепция «восстания элит» Х. Лэша [19].

Говоря о влиянии на развитии партийного строительства постсоветской России западных теорий, нельзя не отметить труды в области геополитики З. Бжезинского [20] и С. Хантингтона [15]. Работы этих авторов были построены на доказательстве исторической миссии США (т.е. убежденности в неизбежной победе либеральной демократии) и благе для всего мира его монополярного устройства. Данные работы во многом стимулировали появление ответных геополитических концептов со стороны многих российских партийных лидеров ЛДПР и КПРФ [21; 22], которые посчитали своим патриотическим долгом ответить на эти притязания на мировое господство в условиях, когда официальный Кремль

безропотно молчал и повиновался всесильному Белому дому.

Появление многих политических партий с разными подходами к решению социально-политических общественных проблем определило необходимость разрешения неизбежных конфликтов. Для понимания сущности природы политического конфликта использовалась теория *Ральфа Дарендорфа* (1929–2009). Он специально подчеркивал, что там, где существует общество, существуют также конфликты, и доказывал необходимость их регулирования, с целью уменьшения насилия: «и их творческая сила ставится на службу постепенному развитию социальных структур» [23, с. 143; 24]. Дарендорф утверждал, что формы регулирования воздействуют на насильственность конфликтов, что «конфликт является отцом всех вещей, т.е. движущей силой изменений, но конфликт не должен быть войной и не должен быть гражданской войной (выделено нами — В.Р., Г.К.). Пожалуй, в рациональном обуздании социальных конфликтов заключается одна из центральных задач политики» [23, с. 146–147]. Появления в России школы конфликтологии многие связывают именно с распространением научных трудов Р. Дарендорфа.

Большой интерес вызвали также и работы известного американского политолога профессора *Дейвида Истона* (1917–2014). Его труд «Системный анализ политической жизни» [25] получил широкую признательность в российской политической науке. Предложенная им модель рассматривала политическую систему в виде определенной совокупности отношений, находящейся в непрерыв-

ном взаимодействии со своей внешней средой через механизмы «входов» (импульса извне) и «выходов» (ответов на угрозы и вызовы).

Несомненный интерес вызвала работа Г. Алмонда и С. Вербе по природе политической культуры [26]. Согласно их точке зрения, политическая культура представляет особый определенный тип ориентации на политическое действие, отражающий специфику каждой политической системы. В реальной политической практике постоянно происходит сочетание различных типов культур, в результате которого образуются смешанные типы политических культур, непохожих одна на другую. Однако местные политики и идеологи власти не желали видеть наличие особенности российской политической культуры и продолжали слепо копировать западные модели развития данной культуры.

Особую популярность получило такое направление в политологии, как компаративистика. [27–29]. Именно во многом благодаря этим работам в России постепенно начала складываться своя собственная школа сравнительной политологии (Л.В. Сморгун, В.А. Ачкасов, Г. Голосов и др.).

Следует заметить, что французские и немецкие авторы (М. Дюверже, Р. Арон, Р. Дарендорф) в силу их меньшей русофобии воспринимались в России гораздо лучше, чем ангажированные англосаксонские ученые (К. Поппер, З. Бжезинский, С. Хантингтон). Хотя и здесь были тоже свои исключения.

Лишь спустя годы из забвения стали выходить забытые имена российских политических мыслителей и политических деятелей, таких как

М.Я. Острогорский, Н.А. Бердяев, В.И. Вернадский, М.М. Ковалевский, С.А. Муромцев, П.Н. Милюков, Л.И. Петражицкий, П.И. Новгородцев, А.И. Ильин... Напомним, что и сам П.Н. Милюков создал партию, как он отмечает, «не революционную, а конституционную, задачей которой должна была стать борьба парламентскими средствами» [30, с. 49].

Многих ошибок партийного строительства в России в 1990-е г. можно было бы избежать, если бы был учтен опыт отечественной партологии. Западные традиции парламентаризма и демократии не могли учесть все особенности российских политических реалий. И, в частности, то, как поведет себя все тот же депутат, оказавшись в числе парламентариев.

Ведь еще М.Я. Острогорский предупреждал, что депутат, попав в парламент, превращается в орудие политической бюрократии. Член парламента от какой-либо партии со временем превращается из «представителя от народа» в простого делегата, агента для конкретных лоббистских поручений. Парламентаризм на практике вырождается в бюрократический придаток власти. И Острогорский был одним из первых, кто исследовал это явление, всесторонне рассмотрев все механизмы воздействия на депутатскую деятельность. Согласно его наблюдениям, в рядах любой партийной элиты всегда имеется лицо, которое выполняет специфическую роль, которую он назвал «кнутом». «Эти лица представляли собой подлинных режиссеров парламентской комедии, обосновывая проведение воли вождей в партийной организации», — отмечает А.Н. Медушевский [31, с. 235]. Эти самые

«кнуты» назначаются партийными лидерами, и, как правило, работают в тени и неизвестны широкой публике. Зато они оказываются «посвященными» во все тайные планы своих лидеров и их деятельность оказывается наиболее продуманной. Они отвечают за выполнение поставленных задач и следят, чтобы все участники политического действия были на своих местах и выполняли строго отведенные им роли. «Кнут» также следит за умонастроением своих подопечных. Острогорский отмечал, что роль таких доверенных лиц столь велика, что через них проходит многие публичные и непубличные действия (вплоть до характера и времени звучания аплодисментов на митингах и заседаниях Парламента). В результате лидеры превращаются «в значительной мере в людей, одураченных иллюзией, которую они же помогли создать. Им уже слышится... биение сердец, которые свободно, непосредственно вибрируют в унисон с их сердцами» [7, с. 339]. Анализируя творческое наследие М.Я. Острогорского, А.Н. Медушевский отмечает, что «логика партийной борьбы, ведет к упрощению, схематизации общественного мнения, поглощая или маскируя разнообразие, нивелируя различные мнения в рамках общей партийной идеологии. Данный феномен создания особой “партийной религии”, выражающейся в схоластических дискуссиях и постоянной борьбе за чистоту линии, особенно заметен в тоталитарных партиях XX века» [31, с. 103–104].

Вывод напрашивается сам собой. Очевидно, было бы наиболее эффективно использовать как зарубежный, так и свой отечественный опыт тео-

ретического осмысления политической действительности и использования этих наработок в практической сфере. Однако предпочтения, как мы это уже подчеркивали выше, было отдано слепо и безоговорочно именно западным автором, которые на многие годы заняли доминирующие позиции в отечественной политической науке.

Рассмотренная нами проблема свидетельствует о том, какими подчас извилистыми путями шло становление отечественной политической науки по вопросам партийного строительства и развития партийной системы. Именно в это время, в условиях отсутствия идеологического давления сверху и творческой свободы на местах, участились случаи плагиата и фальсификации, переводимой зарубежной литературы. Многие переводчики откровенно спекулировали на переводных текстах, внося в них свои значительные комментарии. Но, несмотря на эти крайности, в целом в 1990-е гг. состоялось весьма широкое знакомство российской научной общественностью с ранее запрещенными в СССР научными теориями.

Как свидетельствует новейшая политическая история, многие политические партии весьма охотно прикрывались данными западными теориями с целью апологии проводимой ими политики. При этом, у каждой был свой набор теорий, порой весьма хаотичный. Существовавшая тогда эклектика объясняется как отсутствием у их лидеров и партактива какой-либо принципиальной идейной позиции, так и временным дефицитом, в котором многие партии находились. При этом

говорить о каких-либо симпатиях и антипатиях российских политиков не приходится. Многие западные концепты уточнялись или отвергались уже по ходу развития самой политической ситуации. Их использование носило фрагментарный,

формальный и перманентный характер. При этом свои (отечественные) теории действующими на тот момент политиками и политтехнологами всерьез не воспринимались, автоматически попадая в разряд политических анахронизмов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Рябов, В.В., Хаванов, Е.И.* Между народом и властью. Российская многопартийность: проблемы становления (монография) М.: МГПУ. 1995. 200 с.
2. *Рябов, В.В., Хаванов, Е.И.* Политические партии как субъект кадровой политики в обществе (монография). М.: Луч, 1993. 60 с.
3. *Рябов, В.В.* Политические партии России: программные документы политических партий (брошюра). РАУ, Ч. 1. М.: Луч, 1994.
4. *Рябов, В.В.* Политические партии России: программные документы политических партий (брошюра). РАУ, Ч. 2. М.: Луч, 1994.
5. *Рябов, В.В.* На политическом олимпе пустовато: Лидеры — в остром дефиците // Российская газета, 1993, 17 апреля. С. 5.
6. *Рябов, В.В., Хаванов, Е.И.* Государственное управление как сфера сотрудничества политических партий (брошюра) Росс. акад. упр.; Центр гос. кадровой политики и соц. упр. исслед. проект «Модель демократии для России». М., 1994. 49 с.
7. *Арон, Р.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993. 301 с.
8. *Острогорский, М.Я.* Демократия и политические партии: Соединенные Штаты Америки. Пер. с французского: Учебное пособие. Т. 2 / под ред.: Пашуканис Е. (предисл.); пер.: Демьянова А.М. М.: Изд-во Ком. Акад., 1930. 376 с.
9. *Рябов, В.В.* Жизнь в ЦК, или ЦК изнутри. М., 2005. 208 с.
10. *Michels Robert.* Political Parties // A sociological study of the oligarchic tendencies of modern democracy. Kitchener, 2001. 266 p.
11. *Дюверже, М.* Политические партии. М.: Академический Проект, 2000. 538 с.
12. *Duverger, M.* Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State. N.Y., 1954.
13. *Даль, Р.* Демократия и ее критики. М.: РОССПЭН, 2003. 576 с.
14. *Парето, В.* Трансформация демократии. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2011. 208 с.
15. *Хантингтон, С.* Третья волна: Демократизация в конце XX века. М.: РОССПЭН, 2003. 368 с.
16. *Манхейм, К.* Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. 704 с.
17. *Понпер, К.Р.* Открытое общество и его враги. В 2-х тт. М.: Феникс, 1992. Т. 1. 448 с.; Т. 2. 528 с.
18. *Fukuyama, Francis.* The End of History and the Last Man. Free Press, 1992. 418 p.
19. *Lasch, Ch.* The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy. New York — London: W.W. Norton & Company, 1995. 276 p.
20. *Бжезинский, З.* Великая шахматная доска (Господство Америки и его геостратегические императивы). М., 1998.
21. *Жириновский, В.В.* Плевок на Запад. М.: АО «Ареал + АМ», 1995. 64 с.

22. Зюганов, Г.А. Россия и современный мир. М.: Информпечать, 1996.
23. Дарендорф, Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5.
24. Dahrendorf, R. Elemente eines Theorie des sozialen Konflikts // Dahrendorf R. Gesellschaft und Freiheit München, 1965.
25. Easton, D. A Systems Analysis of Political Life. New York, 1965. 532 p.
26. Almond, G.A., Verba S. The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Newbury Park. 1989. 379 c.
27. Шаран, П. Сравнительная политология. В 2 т. М., 1992. Ч. 1. 226 с.
28. Almond, G.A., Powell, G.B.Jr. Comparative Politics: A Developmental Approach. Boston: Little, Brown, 1966.
29. Cnudde, Ch.F., Neubauer, D.E. (Eds.) Empirical Democratic Theory. Chicago: Markham Pub. Co., 1969.
30. Милюков, П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905–1906. СПб., 1907.
31. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М.: РОССПЭН, 1997. 650 с.

REFERENCES

1. Almond G.A., Powell G.B.Jr. *Comparative Politics: A Developmental Approach*. Boston, Little, Brown, 1966.
2. Almond G.A., Verba S. *The Civic Culture. Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Newbury Park, 1989, 379 p.
3. Aron R. *Demokratija i totalitarizm*. Moscow, 1993, 301 p. (in Russian)
4. Bzezinski Z. *Velikaja sahatnaja doska (Gospodstvo Ameriki i ego geostrategiceskie imperativy)*, Moscow, 1998. (in Russian)
5. Cnudde Ch.F., Neubauer D.E. (eds.). *Empirical Democratic Theory*, Chicago, Markham Pub. Co., 1969.
6. Dahrendorf R. "Elemente eines Theorie des sozialen Konflikts", in: *Gesellschaft und Freiheit München*, 1965.
7. Dal R. *Demokratija i ee kritiki*. Moscow, ROSSPEN, 2003. 576 p. (in Russian)
8. Darendorf R. Elementy teorii socialnogo konflikta, *Sociologiceskie issledovanija*. 1994, No. 5. (in Russian)
9. Djuverze M., *Politieskie partii*. Moscow, Akademiceskij Proekt, 2000, 538 p. (in Russian)
10. Duverger M. *Political Parties: Their Organization and Activity in the Modern State*. N.Y., 1954.
11. Easton D. *A Systems Analysis of Political Life*. New York, 1965, 532 p.
12. Fukuyama Francis. *The End of History and the Last Man*. Free Press, 1992, 418 p.
13. Hantington S. *Tretja volna: Demokratizacija v konce XX veka*. Moscow, ROSSPEN, 2003, 368 p. (in Russian)
14. Lasch. Ch. *The Revolt of the Elites and the Betrayal of Democracy*. W.W. Norton & Company, New York — London, 1995, 276 p.
15. Manhejm K. *Izbrannoe. Diagnoz nasego vremeni*. Moscow, Jurist, 1994, 704 p. (in Russian)
16. Medusevskij A.N. *Demokratija i avtoritarizm: rossijskij konstitucionalizm v sravnitelnoj perspektive*. Moscow, ROSSPEN, 1997, 650 p. (in Russian)
17. Michels Robert. *Political Parties. A sociological study of the oligarchic tendencies of modern democracy*. Kitchener, 2001, 266p.

18. Miljukov P.N. *God borby. Publicisticeskaja hronika. 1905–1906*. Saint-Petersburg, 1907.
19. Ostrogorskij M. Ja. *Demokratija i politiceskie partii: Soedinennye Staty Ameriki. Perevod s francuzskogo: Ucebnoe posobie*, (ed.) Pasukanis E. (Predisl.); tr.: Demjanova A.M, t. 2, Moscow, Izdvo kom. akad., 1930, 376 c. (in Russian)
20. Pareto V. *Transformacija demokratii*. Moscow, Territorija budusego, 2011, 208 p. (in Russian)
21. Popper K.R. *Otkrytoe obsestvo i ego vragi. V 2-h tt.*, Moscow, Feniks, 1992, t. 1, 448 p., t. 2, 528 p. (in Russian)
22. Rjabov V.V. Na politiceskom olimpe pustovato: Lidery — v ostrom deficite, *Rossijskaja gazeta*, 1993, 17 aprlja, p. 5. (in Russian)
23. Rjabov V.V. *Politiceskie partii Rossii: programmnye dokumenty politiceskih partij (brošjura)*. RAU, Part. 1. Moscow, Luc, 1994. (in Russian)
24. Rjabov V.V. *Politiceskie partii Rossii: programmnye dokumenty politiceskih partij (brošjura)*. RAU, Part. 2. Moscow, Luc, 1994. (in Russian)
25. Rjabov V.V. *Zizn v CK, ili CK iznutri*. Moscow, 2005, 208 p. (in Russian)
26. Rjabov V.V., Havanov E.I. *Gosudarstvennoe upravlenie kak sfera sotrudnicstva politiceskih partij (brošjura) Ross. Akad. upr.; Centr gos. kadrovoj politiki i soc. upr. issled. proekt “Model demokratii dlja Rossii”*, Moscow, 1994, 49 p. (in Russian)
27. Rjabov V.V., Havanov E.I. *Mezdu narodom i vlastju. Rossijskaja mnogopartijnost: problemy stanovlenija (monografija)* Moscow, MGPU, 1995, 200 p. (in Russian)
28. Rjabov V.V., Havanov E.I. *Politiceskie partii kak subekt kadrovoj politiki v obsestve (monografija)*. Moscow, Luc, 1993. 60 p. (in Russian)
29. Saran P. *Sravnitel'naja politologija*, v 2 t. Moscow, 1992, 226 p.
30. Zirinovskij V.V. *Plevok na Zapad*. Moscow, Areal+AM, 1995, 64 p. (in Russian)
31. Zjuganov G.A. *Rossija i sovremennij mir*. Moscow, Informpechat, 1996. (in Russian)

Рябов Виктор Васильевич, доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, Московский городской педагогический университет, ryabovv@mgpu.ru

Ryabov V.V., ScD in History, Professor, Corresponding Member, Russian Academy of Education, Moscow City University, ryabowv@mgpu.ru

Козловская Галина Ефимовна, доктор исторических наук, профессор, Московский городской педагогический университет, KozlovskayaGE@mgpu.ru

Kozlovskaya G.E., ScD in History, Professor, Moscow City University, KozlovskayaGE@mgpu.ru